

Janina Kursīte

РАСШИРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРАНИЦ

Каждое новое время, новые идеологические течения в обществе начинают как бы с нуля, что несомненно оказывает влияние и на литературу. В самом конце 1980-ых гг. очень важным считалось заполнить пробелы в запрещенной в советское время литературе. В начале новых времен, т.е. в конце 80-ых – начале 90-ых гг. латышский читатель жил на трех китах – на многочисленных переизданиях латышской литературы

- а) досоветского периода,
- б) переизданиях эмигрантской литературы,
- в) переводах запрещенной до того западной литературы.

К середине 90-ых гг. пространство пробелов было заполнено. Что дальше? До середины 90-ых гг. наследие латышских советских классиков, таких, как Андрейс Упитс, Вилис Лацис, Янис Судрабкалнс просто оставляли в покое, как бы дружно их не замечая. Данным писателям, уже давно покойным, мстили и на более бытовом уровне, так, например, улицу Яниса Судрабкалнса и Андрейса Упитса в Риге переименовали.

Наконец во второй половине 90-ых гг. началось изучение творчества латышских советских классиков, многие из которых начинали свою литературную деятельность еще во времена так называемой буржуазной Латвии. В 2001 г. вышел сборник статей *Портреты латышских писателей* с подзаголовком *На перепутьях дорог*¹. В сборнике предпринята попытка взглянуть новыми глазами на творчество таких ранее известных советских писателей как Арвидс Григулис, Вилис Лацис, Янис Судрабкалнс, Андрейс Упитс, Анна Саксе. В сборнике нет статьи об Александре Чаксе – самом талантливом из данной плеяды. Но этому как бы имеется оправдание – уже начиная с 1991 г., выходит *Собрание сочинений А. Чакса*², где нет объемных исследовательских статей, но есть подробные комментарии к текстам поэта. В 2001 г. в Риге состоялась большая международная конференция, посвященная творчеству Александра Чакса,

¹ *Latviešu rakstnieku portreti laikmeta krustpunktos*, Rīga, 2001.

² А.Čaks, *Kopoti raksti*, 1. – 5.sēj., Rīga, 1991–2001.

после которой вышел сборник статей, названный *Ежегодником Чакса*. До сих пор появились уже два таких ежегодника.³

Поскольку довоенная поэзия А. Чакса до сих пор пользуется большой популярностью, а несколько его просталинских сборников стихотворений известны только узкому кругу читателей⁴, к тому же, умер он достаточно рано, не успев как Лацис, Судрабкалнс или Григулис надеть больших подлостей, с А. Чаксом и в новое время нет никаких проблем – его творчество – пользуясь прежней терминологией – органично вошло в золотой фонд латышской литературы. Однако невооруженным глазом видно, что обстоятельного исследования о противоречивом писательском пути А. Чакса не хватает, это пробел, который до сих пор никто не заполнил, как это сделала, например, Виктория Дауетите в книге о талантливой и в то же время трагической судьбы литовской поэтессе Саломее Нерис.⁵

Но здесь более подробно остановимся на другом, а именно, на творчестве тех писателей, которые не жили при советском строе, но творчество которых в советское время было достаточно ловко и умно этим строем взято на вооружение. И это относится в первую очередь к творчеству Яниса Райниса, умершего еще в 1929 году. Хотя советский строй ненавидел социал-демократов, а Райнис таковым был, выгоднее было прикрыть глаза на умершего социал-демократа и переокрасить его в более красный и коммунистический цвет, нежели это было в реальности. Хотя и сам Райнис уже в 1913 г. в дневнике писал: «Меня с обеих сторон (т.е. справа и слева) хотят заставить стать политиком. Но для меня политика слишком узка; у меня совсем другое призвание, призвание поэта, и оно для меня гораздо важнее.»⁶

Несколько пьес Райниса, отличающиеся ярко выраженной национальной направленностью, в советское время были запрещены или цензурованы, а остальное творчество – благо Райнис писал в основном в символистическом ключе – было названо социалистически устремленным и как таково изучалось в школе.

Как оживить воздвигнутого в свое время на советский Олимп и там распятого Райниса, как оживить для современных читателей его поэзию, которая более пятидесяти лет была зарыта в болото под названием Обяза-

³ Aleksandra Čaka gadagrāmata, sēj. 1–2, Rīga, 2001–2002.

⁴ Zem cēlās zvaigznes, Rīga, 1946; Patrioti. Rīga, 1948.

⁵ V. Daujotytė, Salomėjos Neries ruduo, Vilnius, 1995.

⁶ J. Kalniņš, Rainis – derīgais un nederīgais, Rīga, 1999, 85 lpp.

тельная литература и имела статус Главных текстов латышской советской литературы?

Первым с неизведанной до сих пор стороны посмотреть на Райниса решил бывший директор Института Литературы и языка писатель и литературовед Янис Калниньш, опубликовав в 1999 г. сборник *Райнис – пригодный и непригодный* – по жанру полувоспоминания – полуэссе о перипетиях с изданием (своего) биографического романа о Райнисе в советское время.⁷ В том же 1999 г. вышел огромный по объему роман русского писателя Латвии Роальда Добровенского, сразу в латышском переводе – под названием *Райнис и его братья*.⁸ Как в одной, так и в другой книге большое внимание уделяется «очеловечиванию» Райниса, поскольку в советское время он был возвышен в статус сверхчеловека. В 2001 г. был выпущен сборник литературоведческих статей *Райнис в зеркале теоретических поисков*⁹, где подробному исследованию подвергаются незаконченные пьесы Райниса, которые сегодня в чем-то интереснее его законченных пьес, во всяком случае ближе нашему времени и его незаконченной, фрагментарной поэтике, в 2004 г. вышел сборник посвященный малоизученным сторонам творчества и совместной жизни Райниса и Аспазии¹⁰.

Но все же – в каком направлении идти, что искать такого, что заставило бы современного – по меньшей мере хотя бы латышского – читателя посмотреть на Райниса не как на запыленную икону, а как на... действительно – как на что? Как на новую икону, как на отжившую свой век икону, если икона вообще может устареть?

Один короткий всплеск возобновившегося интереса к творчеству Райниса произошел в 2001 году, когда совместными усилиями латышей и литовцев было создано мистериально-музыкальное представление по символистической пьесе Райниса *Играл, я плясал* (1919). Во-первых, из объемной пьесы Райниса усилиями молодого драматурга Эвиты Сниедзе был сделан более компактный текст, во-вторых, постмодернистское соединение народной музыки и оригинальной музыки, созданной участниками фольклансамбля Ильги, в-третьих, но отнюдь не в последних, объединение в одно целое вместе с литовским театром *Мираклис* и куклами литовской художницы Веги Вайчюнайте. Райнис ожил, какое-то

⁷ J. Kalniņš, *Rainis – derīgais un nederīgais*, Rīga, 1999.

⁸ R. Dobrovenskis, *Rainis un viņa brāļi*, Rīga, 1999.

⁹ *Rainis radošo meklējumu spoguļi*, Rīga, 2001.

¹⁰ *Aspazija un Rainis šodienas skatījumā*, Rīga, 2004.

время казалось, что теперь надолго и по-настоящему, потому что об этом спектакле много писали, отдельные песни из фолькоперы стали популярными и неоднократно исполнялись. Но интерес более широкой публики иссяк буквально за несколько месяцев.

Не полагая, что произведения Райниса должны играть роль Главных тестов латышской литературы, мы все же считаем, что, во-первых, до сих пор как издатели, так и исследователи недостаточно внимания уделяли вариантам стихотворений, неоконченным стихотворениям и тем более неоконченным пьесам Райниса, т.е. фрагментам. Во-вторых, недостаточно внимания до сих пор обращалось жанру, который и жанром не назовешь – поэт в фотографиях. Райнис одним из первых обратил особое внимание на себя в фотографиях как на важное дополнение к своим текстам. В разных архивах в разрозненном виде хранится довольно большое количество фотографий Райниса, по частным коллекциям разрознены почтовые открытки начала XX века (вплоть до 1940 г.) с текстами стихотворений Райниса. Данные открытки, печатавшиеся в больших количествах и посылаемые латышами друг другу на именины, на день рождения и по другим случаям, популяризируют его творчество, в то же время создали целый жанр популярной поэзии, где в основном соседствовало кичевое визуальное оформление и серьезный стихотворный текст. Замечу, что такого рода почтовых открыток с текстами многих латышских поэтов, напечатанных за первые сорок лет XX столетия имеется огромное количество. Как факты попкультуры они до сих пор не замечались исследователями. В-третьих, важное место в творчестве Райниса на протяжении многих лет занимал *Дневник* и *Ежедневная хроника*. Если в *Дневнике* более обширные тексты и они по-видимому и писались Райнисом как бы с некоторой оглядкой на возможного читателя, то в *Ежедневной хронике* заметки самому себе: когда вставал, как самочувствие, что ел, как здоровье, какие письма в тот день получил, какие проекты, планы пришли в тот день в голову и т.п. В *Ежедневной хронике* если не самое интересное, то во всяком случае очень интересное – короткий раздел – *Сны*. Райнис почти ежедневно в течении 1907–1909 гг., а эпизодически и позднее записывал короткое содержание своих снов. С конца 1905 года по апрель 1920 года Райнис и его супруга, поэтесса Аспазия находились в эмиграции. И неудивительно, что большая часть снов Райниса связано с тематикой преследования, страхов предательства и т.п. Неоднократно в снах повторяются подсознательные образы, которые в народном толковании снов означают потерю, неприятности, предательство, нападки со стороны недоброжелателей – это и сырое мясо, и агрессивные

свиньи, собаки и др. Очень важную роль в снах Райниса играют мотивы восхождения в горы или нисхождения по ним, по лестницам, возможность или невозможность перейти через брод, переплыть реку и т.п.: «Хочу перейти по мостику через кипучую реку, страшно, иду обратно.»¹¹

Данные записи, иногда в одну строчку, иногда более обширные, в контексте сегодняшней литературы можно рассматривать как весьма интересные образцы краткого прозаического жанра. Как их назвать, не так важно, важнее выделить это в отдельное пространство, отделить от других записей *Ежедневной хроники*. Будучи выделенными, записи снов образуют своеобразный гибридный жанр, находящийся между художественным произведением в классическом понимании (текст с продуманной, писателем выверенной структурой) и между произведением подсознания, в образовании которого писатель участвовал пассивно, если не считать самого акта записи сна, где записывающий волен пропустить детали и записывать как ему представляется удобнее. Хотя при записывании сна и происходит своего рода структуризация текста, но все же не до такого уровня, как это происходит в стихотворениях и пьесах.

В завершении мне хотелось бы отозваться на статью литовской коллеги Юрате Сприндите *Категория жанра: стирание граней*, в которой она пишет: «Жанры–гибриды, (авто)биография, документальные тексты, мемуары, эссе, дневники, путевые впечатления, раньше лишь с оговорками зачисляющиеся в ранг подлинной литературы, теперь не только властно вторглись на ее территорию, но и заняли доминирующие позиции.»¹² Данное относится не только к ныне здравствующим писателям, но и к наследию так называемых классиков. Нас интересует не только и не столько парадное, но и периферийное крыльцо литературы, до недавнего времени не замеченное исследователями, а главное – читателями.

Īteikta 2003 10 24
Parengta 2004 12 20

¹¹ J. Rainis, *Kopotī raksti*, 24.sēj., Rīga, 1986, 631 lpp.

¹² J. Sprindytė, „Категория жанра: стирание граней“, in: *Naujos idėjos ir formos Baltijos šalių literatūrose*, Vilnius, 1999, p. 127.